

Дагестанская молодежь в Санкт-Петербурге: социальная карта расселения

Е. А. Шекера✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉shekerak@gmail.com

Введение. Применяя метод социального картографирования городского пространства при исследовании молодежи из Республики Дагестан, проживающей в Санкт-Петербурге, автор предпринимает попытку создания карты расселения дагестанской молодежи. Автор также рассматривает факторы, влияющие на географию расселения: экономический, наличие дискриминации в отношении приезжих с Кавказа при попытках снять жилье, привлечение «сетей своих» для поиска жилья и др. Основная исследовательская цель – понять, существует ли в принципе феномен компактного проживания приезжих из Дагестана в Санкт-Петербурге.

Методология и источники. Методологическую основу работы составляют следующие подходы: социально-экологический (Р. Парк, Э. Берджесс), социопропространственный (Ч. Бут, О. Трущенко), конструктивистский (Б. Андерсон, Р. Брубейкер). Рассмотрены возможности и ограничения применяемого инструментария при картографировании городского пространства: сделан вывод, что для исследования высокоомобильных групп населения, таких как внутренние мигранты, и несмотря на невозможность подсчета генеральной совокупности, больше всего подходит анкетный опрос.

Результаты и обсуждение. Карта расселения дагестанской молодежи отражает периферийный тип проживания в активно застраиваемых окраинных районах, вследствие чего цены на аренду недвижимости в данных районах самые низкие в городе, также была зарегистрирована тенденция компактности расселения, в том числе в зависимости от места исхода. Выявлена высокая степень закрытости среды – 73,3 % опрошенных сталкивались с предвзятым отношением из-за их национальной / религиозной принадлежности при попытках снять жилье. В условиях «закрытости» среды мигранты вынуждены обращаться к более эффективным механизмам первичных групп и искать жилье через социальные сети (и реальных людей, и Интернет).

Заключение. Несмотря на устоявшееся мнение экспертов, что локальное проживание мигрантов нежелательно и даже опасно, поскольку увеличивается нагрузка на социальную сферу, изменяется инфраструктура района, приобретая черты, не свойственные проживающему большинству, увеличивается число конфликтов и т. д., тем не менее данный процесс никак не контролируется государством: приезжие снимают квартиры или покупают жилье в районах с наиболее низкими ценами, таким образом, локализация проживания мигрантов является закономерным процессом и происходит сама собой.

Ключевые слова: дагестанская молодежь, внутренняя миграция, Санкт-Петербург, метод социального картографирования городского пространства.

Для цитирования: Шекера Е. А. Дагестанская молодежь в Санкт-Петербурге: социальная карта расселения // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 3. С. 92–106. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-94-108

© Шекера Е. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 14.04.2020; принята после рецензирования 29.04.2020; опубликована онлайн 25.06.2020

Dagestan Youth in Saint Petersburg: Social Map of Resettlement

Ekaterina A. Shekera✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉shekerak@gmail.com

Introduction. Using the method of social mapping of urban space in the study of youth from the Republic of Dagestan living in St Petersburg, the author attempts to create the map of the resettlement of Dagestan youth. The author also considers factors affecting the geography of resettlement: economic, discrimination against migrants from the Caucasus during attempts to rent a flat, attracting “self-networks” to search for housing, etc. The main research goal is to understand whether there is the phenomenon of compact residence of migrants from Dagestan in St Petersburg.

Methodology and sources. The methodological basis of the research consists of the following approaches: socio-ecological (R. Park, E. Burgess), sociospatial (C. Booth, O. Trushchenko), constructivist (B. Anderson, R. Brubaker). The possibilities and limitations of the tools used in mapping urban space are examined: it is concluded that a questionnaire is best suited for the study of highly mobile groups of the population, such as internal migrants, and despite the impossibility of calculating the general totality.

Results and discussion. The resettlement map of Dagestan youth reflects the peripheral type of residence in actively built up outlying districts, thereby real estate rental prices in these areas are the lowest in the city, and the tendency of resettlement compactness was recorded, including depending on the place of departure. A high degree of closeness of the environment was revealed – 73,3 % of respondents faced a biased attitude due to their national / religious affiliation when trying to rent an apartment. In a “closed” environment, migrants are forced to turn to more effective mechanisms of primary groups and seek housing through social networks (that is, real people and the Internet).

Conclusion. Despite the well-established opinion of experts, that the local residence of migrants is undesirable and even dangerous, since the load on the social sphere is increasing, the district’s infrastructure is changing, acquiring features that are not characteristic of the majority living, the number of conflicts, etc., Nevertheless, this process is not controlled by the state in any way: newcomers rent apartments or buy housing in areas with the lowest prices, thus, the localization of migrants' residence is a natural process occurs by itself.

Key words: Dagestan youth, internal migration, St Petersburg, the method of social mapping of urban space.

For citation: Shekera E. A. Dagestan Youth in Saint Petersburg: Social Map of Resettlement. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 92–106. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-94-108 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 14.04.2020; adopted after review 29.04.2020; published online 25.06.2020

Введение. Миграционные процессы в российской действительности имеют ярко выраженную направленность: основная миграционная нагрузка приходится на Москву, Московскую область и Санкт-Петербург, таким образом, данные регионы составляют тройку регионов с самыми высокими показателями миграционного оборота, также в них отмечается один из самых высоких показателей миграционного прироста населения в Российской Федерации. Время от времени на общественно-политической повестке возникает вопрос

об образовании мест компактного проживания мигрантов, например, подвергнется ли Санкт-Петербург анклавизации, т. е. появятся ли аналоги арабского квартала в Париже, чайна-тауна в Нью-Йорке и т. д. Интерес к компактному расселению мигрантов также заметен и в СМИ [1], так в 2019 г. в газете «Деловой Петербург» вышла статья [2], посвященная особенностям проживания приезжих в Санкт-Петербурге (несмотря на то, что в заголовке статьи упомянуты только иностранцы, в самой статье рассматриваются особенности проживания также и внутренних мигрантов). В статье приводятся комментарии экспертов, задействованных на рынке недвижимости, на основании которых воссоздается следующая этническая (национальная) карта Санкт-Петербурга:

– граждане КНР предпочитают селиться на Васильевском острове (общежитие СПбГУ, в котором проживали во время учебы, налаженная инфраструктура в виде китайских ресторанов, в том числе «только для своих»);

– приезжие корейцы в основном живут в Приморском районе, где расположен завод «Hyundai»;

– азербайджанцы предпочитают проживать в районе Софийской улицы и на Ржевке, рядом с рынками и плодоовощной базой, также активно азербайджанцы селятся на севере города в районе станций метро «Проспект Просвещения» и «Озерки»;

– ингуши и чеченцы предпочитают жить в Приморском районе и у станции метро «Академическая»;

– таджикские и узбекские семьи в основном снимают и покупают жилье на юге города, в Шушарах (наличие мигрантов из Средней Азии даже включено в список недостатков района для приобретения жилья [3]) и вблизи крупных автопарков и баз;

– выходцы из Молдавии и Украины селятся в Курортном и Гатчинском районах, они специализируются на ремонтных работах или составляют домашний персонал в состоятельных семьях;

– на Советских улицах проживает много киргизов, которые работают в основном дворниками.

В общем, мигранты предпочитают селиться вблизи крупных строек, рынков, в местах дешевого жилья (например, в расселенных и расселяемых домах). Все же стоит признать, что карта расселения в Санкт-Петербурге этнических групп до сих пор не создана. В целом, это интересный исследовательский проект, в том числе для понимания, есть ли в принципе феномен компактного проживания этнических групп. В данной статье мы предприняли попытку выявить особенности расселения молодежи из Республики Дагестан, проживающей в Санкт-Петербурге.

Методология и источники. Город как объект исследования в социальных науках все более актуален, его динамизм, непрерывная изменчивость, порождение новых форм взаимодействия привлекают все больше исследователей. Классическими исследованиями города в социальных науках являются исследования, проводившиеся представителями Чикагской школы социологии, которые картографировали городское пространство с точки зрения субъективного восприятия, т. е. городское пространство как «мое» (например, К. Линч [4] и его метод ментальных карт), а также построением объективной картины, т. е. город как пространство внешней среды [5, с. 74] (например, Р. Парк [6], Э. Берджесс [7] и др.; методы наблюдения, интервью,

сбора обширных статистических данных и т. д.). Предшественницей данных исследований явилась работа социального топографа Ч. Бута, который в 1889 г. составил «карту бедности» Лондона, используя следующие методы: наблюдение, в том числе включенное, интервью (биографическое, экспертное и групповое), сбор статистических данных и др. [8]. Метод социального картографирования по-прежнему не исчерпал своего эвристического потенциала, основная проблема – возможности и ограничения применяемого инструментария при картографировании городского пространства.

Одной из основных проблем изучения внутренней миграции является невозможность определения количества внутренних мигрантов, находящихся на той или иной территории в конкретный временной отрезок. Так, в соответствии с законом [9] регистрация гражданина по месту пребывания производится в срок, не превышающий 90 дней со дня прибытия гражданина в жилое помещение, однако невозможно подсчитать, сколько процентов всех прибывших внутренних мигрантов оформили свое пребывание в регионе официально. Распространены практика покупки фиктивной регистрации по месту пребывания и выезды за пределы региона раз в три месяца (с сохранением именных маршрутных квитанций – посадочных талонов, билетов и т. д. для предъявления в случае запроса сотрудникам правоохранительных органов). На 2015 г. по оценкам Постоянного Представительства Республики Дагестан в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, в Северной столице постоянно проживало около 60 тыс. дагестанцев, не считая тех, которые работали в Петербурге, имея временную регистрацию или не имея таковой [10].

Опрос, проведенный нами в рамках данного исследования, показал следующее: о наличии постоянной регистрации в Санкт-Петербурге сообщили 34,7 % опрошенных, о наличии временной – 40,9 %, об отсутствии регистрации в целом – 23,4 % (при том что количество мигрантов, проживающих в Санкт-Петербурге меньше года, по данным нашего опроса – 7,3 %, соответственно возникает вопрос о легальности проживания как минимум 16 %), также 1 % опрошенных сообщили о наличии фиктивной регистрации. В связи со сложностью вопроса (не каждый признается в нарушении законодательства РФ) полученные нами данные носят примерный характер.

Также невозможно подсчитать количество мигрантов из Республики Дагестан в Санкт-Петербурге, опираясь на наименования народов, проживающих на территории Дагестана. По праву Дагестан заслужил звание самой многонациональной республики Российской Федерации (переписью 2010 г. зафиксированы представители 117 национальностей и этнических групп [11], из них автохтонных этносов насчитывается больше 30). В то же время коренными малочисленными народами Дагестана являются аварцы, агулы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, таты, табасаранцы, ногайцы, рутульцы, русские, цахуры, чеченцы-акинцы – всего 14 народов [12]. Соответственно, попытка вычленивать представителей народов Дагестана, проживающих в Санкт-Петербурге, через этнонимы также не увенчается успехом, поскольку, например, азербайджанцы – титульная нация Азербайджана, также на территории этого государства проживает немалая часть лезгинского народа и т. д.

Интересен опыт других исследователей в попытках подсчитать количество представителей этнических групп в городском пространстве. Так, О. И. Вендина воссоздает пространственную картину расселения этнических групп в Москве на основе адресной базы данных ЗАГСов (показатели умерших и родившихся), однако, как указывает сама О. И. Вендина,

данный подход имеет существенные ограничения (этническая структура умерших и родившихся, точнее, их родителей, не совсем идентична этнической структуре населения в целом), хотя и обладает несомненными достоинствами (случаи рождения и смерти регистрируются независимо от прописки, легального или нелегального проживания в городе) [13]. Однако в нашем случае мы исследуем высококомобильные группы населения, поэтому наиболее продуктивным методом нами был признан анкетный опрос.

Итак, прежде чем мы перейдем к результатам проведенного исследования, заострим внимание на необходимых допущениях и оговорках в отношении объекта исследования – молодежи, переехавшей из Республики Дагестан в Санкт-Петербург (в том числе в выборке присутствует небольшая доля мигрантов второго поколения, т. е. людей, родившихся в Санкт-Петербурге, но в то же время имеющих сильную связь с Республикой Дагестан). Выбор объекта исследования требует дополнительного пояснения, поскольку на первый взгляд он кажется расплывчатым и вообще некорректным, так как мы изучаем совершенно разных людей, объединенных лишь тем, что они приехали в Санкт-Петербург из Республики Дагестан.

Несмотря на то, что мы полностью разделяем критику Р. Брубейкером группизма, т. е. тенденции рассматривать группы как базовые элементы социального мира и стремления в рамках конструктивистского подхода смотреть на группу как на однородное целое [14], и несмотря на то, что мы полностью признаем внутреннюю дифференциацию этнических групп, которая постоянно подтверждается и подчеркивается исследователями (богатый исследовательский материал представлен в работах Ю. Арутюняна [15], О. Бредниковой и О. Паченкова [16], В. Малахова [17], В. Дятлова и др. [18]), в данном исследовании мы все же руководствуемся конструктивистским подходом, накладывая теоретическую рамку группизма и делая упор на регионализме, т. е. нас интересует не этническая принадлежность индивидов как таковая, а региональная принадлежность, основанная на соотношении себя с Республикой Дагестан. Мы понимаем дагестанскую молодежь как «воображаемое сообщество» [19, с. 29], которое, несмотря на разнообразие этносов, объединено монокультурой и монопорядком сходных ценностных ориентаций, выраженных в совпадающих социальных, экономических, политико-правовых и религиозных практиках [20, с. 13].

На сегодняшний день в России отсутствует федеральный закон о молодежи, хотя в некоторых субъектах РФ такие законы приняты, также действуют отраслевые законы, касающиеся молодежи. В соответствии с проектом ФЗ «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации» молодежью считаются люди в возрасте от 14 до 30 лет (ст. 1, п. 2). В некоторых случаях, определенных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, предельный возраст для молодых граждан Российской Федерации может быть установлен свыше 30 лет, но не более 35 лет (для участников программ решения отдельных социальных проблем работников – до 45 лет), имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники) (ст. 1, п. 3) [21]. В данном исследовании мы будем опираться на верхнюю границу для молодежи – 35 лет, а нижнюю – 16 лет (минимальный среднестатистический возраст поступления в вуз).

Анкетный опрос молодежи из Республики Дагестан, проживающей в Санкт-Петербурге, проходил с 20 апреля по 20 мая 2019 г. Выборка анкетного опроса не является репрезентативной в силу неопределенности параметров генеральной совокупности. Выборка для анкетного

опроса составила 303 человека¹; помимо мигрантов первого поколения, в выборку попали проживающие в Санкт-Петербурге с рождения, таким образом, выборка мигрантов первого поколения составила 280 человек, количество проживающих в Санкт-Петербурге с рождения равно 23. Выборка выстраивалась на основе простого случайного отбора, распространение анкеты происходило через некоммерческие организации, представляющие Республику Дагестан в Санкт-Петербурге – КПЦ «Дагестан» и СПБОО «Содружество Молодежи Дагестана», также были задействованы площадки в социальной сети «ВКонтакте»: анкета размещалась в группах, представляющих Республику Дагестан в Санкт-Петербурге. В данной статье мы рассмотрим результаты опроса по блоку «вселение», в который включены следующие данные: жилищные условия и способ поиска жилья, степень осуществления намерений в отношении жилищных условий в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге, место проживания, дисперсность/компактность проживания (живут ли рядом земляки), толерантность/интолерантность, открытость/закрытость среды для мигрантов.

Результаты и обсуждение. На основе результатов анкетного опроса проживающей в Санкт-Петербурге дагестанской молодежи мы составили карту расселения (или, если воспользоваться термином Р. Парка, «естественных ареалов» [22, с. 11]), которая выглядит следующим образом (необходимо было указать ближайшую к месту проживания станцию метро; для наглядности на карте представлены только станции метро с показателями от 3 %) (рис. 1):

Карта расселения наглядно демонстрирует:

- наиболее заселены районы вокруг станций метро, находящихся в спальных районах или являющихся конечными;
- на севере города: «Парнас», «Проспект Просвещения», «Озерки» (Выборгский район, а также Всеволожский район Ленинградской области);
- на северо-востоке: «Девяткино», «Гражданский проспект», «Академическая» (Калининский, Красногвардейский, а также Всеволожский район Ленинградской области);
- на юго-востоке: «Улица Дыбенко», «Проспект Большевиков», «Ладожская» (Красногвардейский, Невский, а также Всеволожский район Ленинградской области);
- на юге: «Купчино», «Московская» (Московский, Пушкинский, Колпинский районы);
- на юго-западе: «Проспект Ветеранов», «Ленинский проспект», «Автово» (Кировский, Красносельский, Петродворцовый районы);
- на западе: «Приморская», «Василеостровская» (Василеостровский район);
- наименее заселены конечные станции Фрунзенско-Приморской линии (фиолетовой), также юг Невско-Василеостровской (зеленой), а также центр города.

Таким образом, выявлен периферийный тип расселения в активно застраиваемых окраинных районах, где создается избыток жилья (например, существует практика местных жителей покупать жилье в данных районах для того, чтобы предоставлять его в наем), тем самым здесь более низкие цены как из-за большого количества предложений по найму, так и из-за удаленности от центра, а также менее проработанные, чем в «старых» районах, инфраструктурная и транспортная составляющие. На рис. 2 представлены средние цены на аренду жилой недвижимости в зависимости от района Санкт-Петербурга или Ленинградской области, актуальные на февраль 2020 г. [23].

¹Всего в опросе приняли участие 303 респондента, но не все вопросы были обязательными, в связи с чем на некоторые вопросы отвечало меньшее количество человек, поэтому, если отдельно не прописано количество ответивших, значит, в данном случае представлены ответы 303 респондентов.

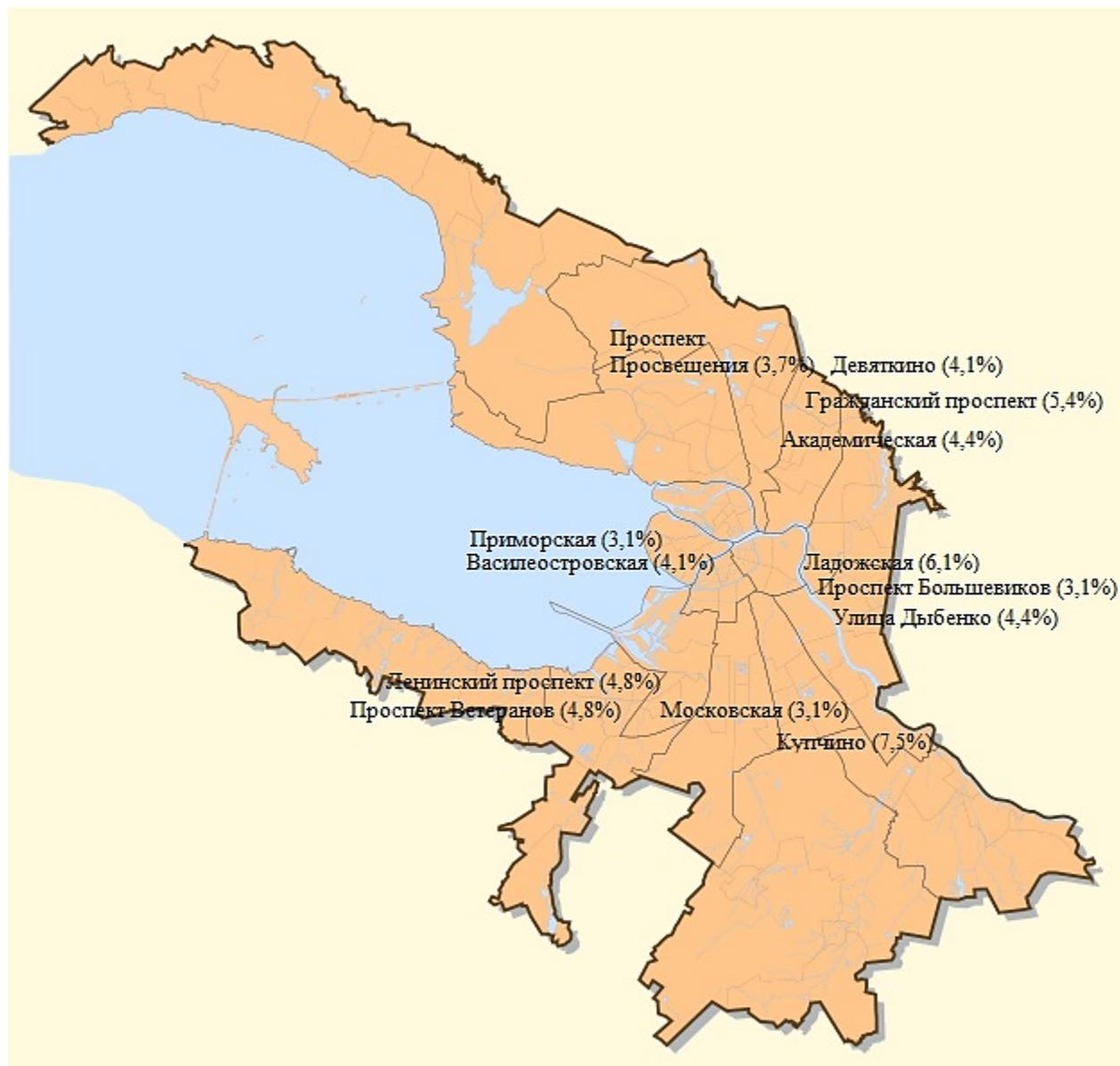


Рис. 1. Карта расселения дагестанской молодежи в Санкт-Петербурге
Fig. 1. The resettlement map of Dagestan youth in Saint Petersburg

В исследованиях других ученых также регистрируется, что выбор места проживания в основном обусловлен социально-экономическими факторами. Например, О. И. Вендина выявила, что в позднесоветское время география расселения этнических меньшинств в Москве была детерминирована социально-профессиональными различиями и уровнем образования [13, с. 54]. Так, исследователь приходит к выводу, что если сравнить карту стоимости жилья и карту расселения экономических мигрантов, то они дополняют друг друга, составляя единый пазл. Глядя на эту картину, можно предсказать сценарий развития города, почти неизбежный при сохранении сегодняшней городской политики в области миграции и рынка жилья [13, с. 63].

В то же время мы не можем однозначно утверждать, что молодежь из Дагестана выбирает жилье на окраинах только по экономическим мотивам. Не исключено присутствие неких символических мотивов, так, например, исследование О. Трущенко [24], проведенное

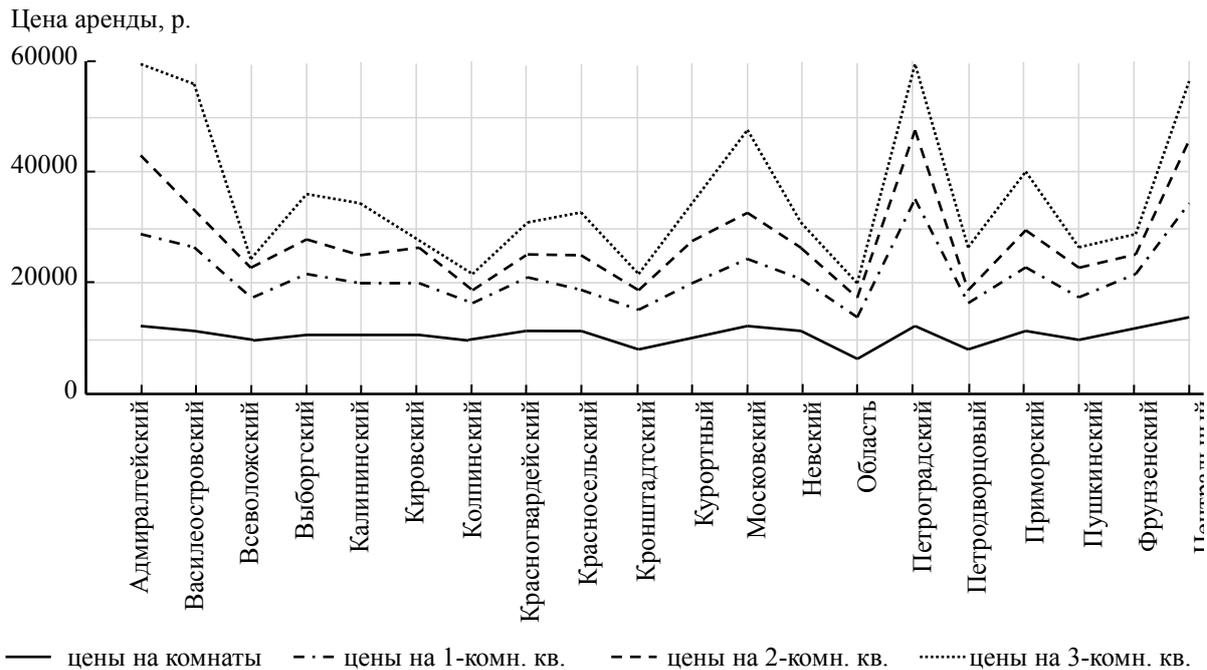


Рис. 2. Средние цены предложений на рынке аренды жилья по административным районам Санкт-Петербурга. Февраль 2020 г.
Fig. 2. The average prices of offers on the housing rental market in administrative districts of Saint Petersburg. February 2020

в Москве (в рамках социопространственного подхода), также отражает постулат П. Бурдьё, согласно которому физическое пространство есть метафора пространства социального, оно объективирует социальные различия [25], тем самым воплощая реальную власть во власть над пространством в том числе: престиж центра города обусловлен наличием в нем элитных групп, в то время как городские окраины – место проживания «опасных» категорий людей. Эта реальная или воображаемая опасность, учитывая теорему У. Томаса, реальная по своим последствиям, приводит к следующему: как ответ на вызовы миграции общество приема может принимать меры, направленные на осложнение путей обустройства и адаптации мигрантов, как, например, отказ в сдаче недвижимости.

Так, в исследовании азербайджанских торговцев в Петербурге О. Бредникова и О. Паченков рассматривают данный вопрос с позиции агентств недвижимости: снять квартиру или комнату мигранту с «кавказской» внешностью крайне трудно. По сведениям сотрудников агентств недвижимости, люди, обращающиеся в агентства за посредничеством в сдаче квартир, не хотят сдавать жилье «кавказцам»; в сфере торговли и аренды недвижимости существуют своеобразные формулировки, отражающие эту ситуацию: «не юг», «юг не предлагать» [16, с. 144]. В ходе нашего исследования при ответе на вопрос «Приходилось ли Вам в Санкт-Петербурге сталкиваться с предвзятым отношением к Вам из-за Вашей национальной/религиозной принадлежности?» по варианту ответа, касающемуся аренды недвижимости, мы зарегистрировали высокую степень закрытости среды – 73,3 % опрошенных сталкивались с предвзятым отношением из-за их национальной/религиозной принадлежности при попытках снять жилье. К сожалению, наш опрос не позволяет пролить свет на то, как часто мигрантам отказывали в сдаче в аренду недвижимости и есть ли зависимость от района города. В то же время о случаях предвзятого отношения из-за националь-

ной/религиозной принадлежности в общении с соседями сообщили в два раза меньше респондентов – 35,5 %. Наши данные опираются на мнения самих респондентов о том, что предвзятое отношение было именно на почве иной национальной/религиозной принадлежности, поэтому мы не можем с уверенностью сказать, окрашивается ли типичный бытовой конфликт в ксенофобские цвета или нет, но в целом данный показатель соотносится с общим уровнем изоляционистских настроений россиян в отношении приезжих с Кавказа.

Согласно аналитическим отчетам «Левада-Центра», который регулярно проводит мониторинг уровня ксенофобии среди россиян и частного ее проявления – мигрантофобии, с июля 2002 г. по июль 2018 г. количество противников трудовой миграции увеличилось с 45 % до 67 %, данный показатель никогда не падал ниже 52 %, начиная с 2004 г. Тем не менее с августа 2004 г. к июлю 2018 г. снизилось количество опрошенных, которые указали, что стоит ограничить проживание на территории России «выходцев с Кавказа», с 46 % до 23 % (пиковой отметки в 54 % данный показатель достиг в октябре 2013 г.) [26]. Таким образом, остается открытым вопрос: в центре города много коммунальных квартир, где стоимость аренды комнаты примерно такая же, как квартиры-студии на окраинах, почему же тогда дагестанская молодежь не селится в центре? Приезжим из Дагестана не сдают жилье в центре или они сами предпочитают жить в отдельной квартире, но на окраине? Итак, результаты опроса о жилищных условиях молодежи из Дагестана в Санкт-Петербурге показаны на рис. 3.

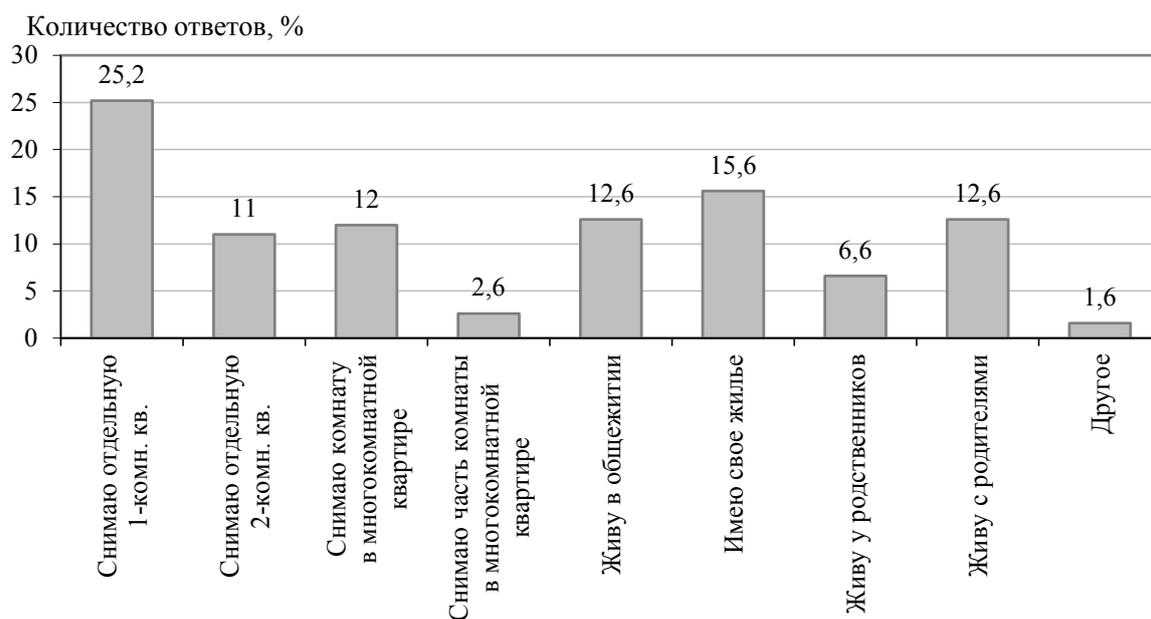


Рис. 3. Жилищные условия молодежи из Дагестана в Санкт-Петербурге
Fig. 3. The housing conditions of Dagestan youth in Saint Petersburg

Большинство опрошенных снимает отдельную однокомнатную квартиру – 25,2 %, вариант «снимаю часть комнаты» оказался наименее востребованным – 2,6 %. Исходя из ответов респондентов, попавших в графу «другое», формулировка ответа «Снимаю часть комнаты» оказалась неудачной, поскольку респонденты вписывали варианты: «Снимаю комнату/квартиру с одноклассником/другом», что, по сути, является арендой «части комнаты»; также, скорее всего, те, кто указал, что снимает отдельную квартиру, не уточняли, что снимают ее с кем-то (друзьями, родственниками и т. д.). Поэтому, исходя из неудачно-

сти формулировки, ответы на данный вопрос скорее выявляют тенденцию и требуют дальнейшей проработки. О наличии своего жилья сообщили 15,6 % опрошенных. Далее следуют примерно равные распределения по видам проживания: живу в общежитии – 12,6 %, живу с родителями – 12,6 %, снимаю комнату в многоквартирной квартире 12,0 %, снимаю отдельную двухкомнатную квартиру – 11,0 %. Таким образом, всего совокупно жилье снимает 50,8 % опрошенных.

Степень осуществления намерений в отношении жилищных условий в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге для приезжих (280 респондентов выборки) отражена на рис. 4.

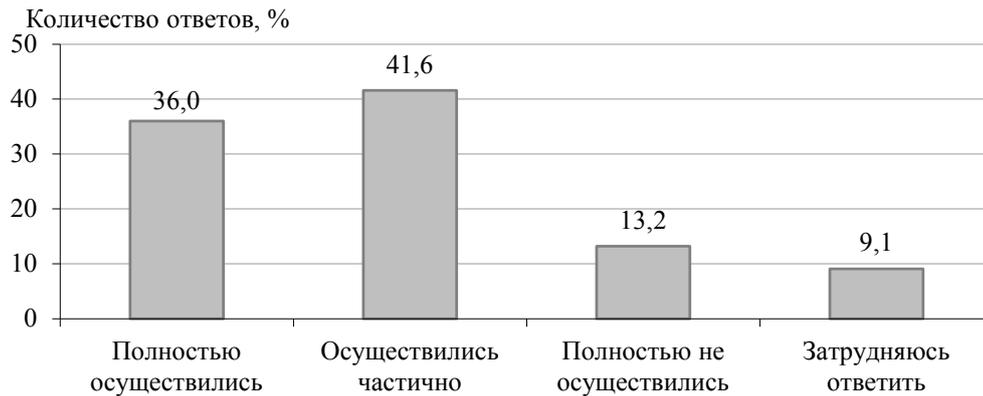


Рис. 4. Степень осуществления намерений в отношении жилищных условий в новых условиях жизни молодежи из Дагестана в Санкт-Петербурге

Fig. 4. The degree of execution of intentions in new life conditions of Dagestan youth in Saint Petersburg

Таким образом, чуть больше трети опрошенных полностью удовлетворены существующими жилищными условиями. Совокупно намерения в отношении жилищных условий не осуществились у 54,8 % опрошенных, что, скорее всего, означает, что они будут предпринимать попытки по улучшению жилищных условий. Способы поиска жилья в Санкт-Петербурге представлены на рис. 5 (ответы 289 респондентов).

Итак, самостоятельно жилье нашли 43,6 % опрошенных, к агентам по недвижимости обратились 18,9 %, социальными связями (советы родственников и друзей) в поиске воспользовались 17,0 % опрошенных, также 15,1 % проживают в жилье, предоставленном учебным заведением, работодателем и т. д. В условиях «закрытости» среды мигранты вынуждены обращаться к более эффективным механизмам первичных групп и искать жилье через социальные сети (и реальных людей, и Интернет). Так, в Санкт-Петербурге существует крупная группа в социальной сети «ВКонтакте», ориентированная на дагестанцев, проживающих в Санкт-Петербурге, на данный момент в группе состоит более 20 тыс. подписчиков (на момент исследования их было около 16 тыс., т. е. группа динамично развивается). Группа работает как доска объявлений, поэтому мы провели статистический анализ и выяснили, что всего в группе за период с 01.05.2018 по 01.05.2019 опубликовано 3467 объявлений (в это число не включены повторные объявления о найме жилья), из них объявлений касательно найма жилья 553 (15,95 %), из них объявлений касательно предложений по найму (в том числе поиск людей на подселение) 371 (10,70 %), таким образом, популярен способ сдачи жилья «от своих своим».

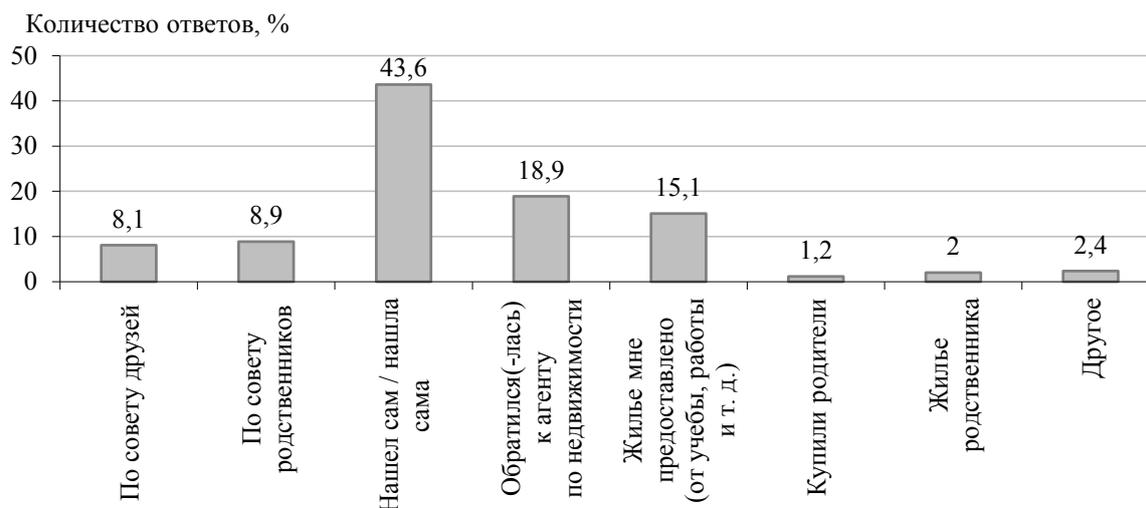


Рис. 5. Способы поиска жилья в Санкт-Петербурге
Fig. 5. Ways to search for housing in Saint Petersburg

Что касается вопроса компактного проживания мигрантов на территории Санкт-Петербурга, мы зарегистрировали тенденцию компактности расселения молодежи из Дагестана в городе в том числе в зависимости от места исхода. Так, результаты распределения ответов респондентов на вопрос «Проживают ли другие дагестанцы в Вашем или соседних домах, кроме проживающих с Вами людей?» приведены на рис. 6.

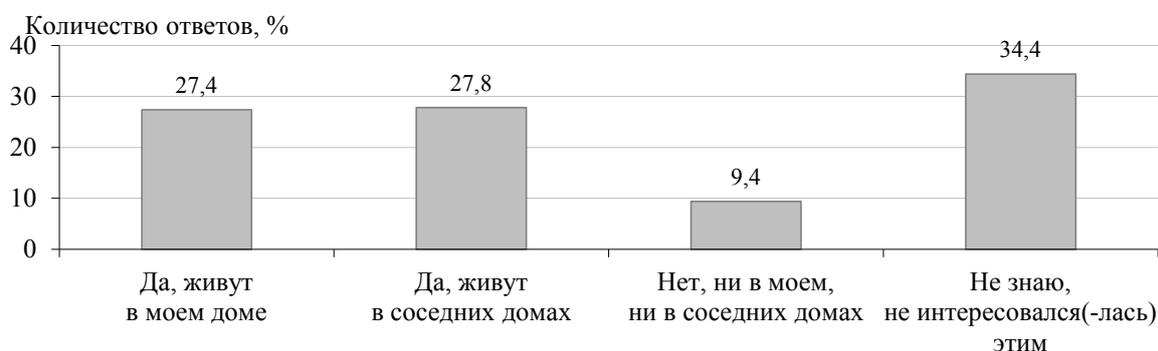


Рис. 6. Компактность/дисперсность проживания молодежи из Дагестана в Санкт-Петербурге
Fig. 6. The compactness / dispersion of residence of Dagestan youth in Saint Petersburg

Совокупно 55,2 % опрошенных отметили, что по соседству с ними проживают другие дагестанцы, что говорит о некой компактности проживания. Также выявлена некая зависимость компактности проживания в городе от места исхода, по совокупным показателям («Да, живут в моем доме» и «Да, живут в соседних домах») лидируют следующие регионы исхода в порядке убывания по количеству выбравших данные варианты: Махачкала (10,5 %), Хасавюрт (4,6 %), Дербент (3,9 %), Буйнакск (2,3 %), Избербаш (2,3 %), Каспийск (~2 %), Сулейман-Стальский район (~2 %), Хунзахский район (1,65 %).

В целом, мы разделяем вывод О. И. Вендиной [13], что расселение этнических меньшинств (для исследования О. И. Вендиной это Москва, но, в общем, мы считаем, что этот вывод можно экстраполировать и на другие крупные города России) детерминировано экономически, однако нами был выявлен также и фактор компактности проживания, в том числе в зависимости от места исхода.

Заключение. Применение метода социального картографирования эффективно при исследовании городского пространства, имеет высокий эвристический потенциал. Несмотря на устоявшееся мнение экспертов [27], что локальное проживание мигрантов нежелательно и даже опасно, поскольку увеличивается нагрузка на социальную сферу, изменяется инфраструктура района, приобретая черты, не свойственные проживающему большинству, растет число конфликтов и т. д., тем не менее данный процесс никак не контролируется государством: приезжие снимают квартиры или покупают жилье в районах с наиболее низкими ценами, таким образом, локализация проживания мигрантов является закономерным процессом и происходит сама собой. Конечно, для более точных результатов и подтверждения (корректировки) наших выводов необходимы более масштабные исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гордякова М. В каких районах Петербурга селятся мигранты // Online812. 22 ноября 2012 г. URL: <http://www.online812.ru/2012/11/22/001/> (дата обращения: 12.11.2019).
2. Никифоров П. Особенности национальной локации. Можно ли считать зоны компактного проживания иностранцев в Петербурге анклавами // Деловой Петербург. 21 октября 2019 г. URL: https://www.dp.ru/a/2019/10/20/Osobennosti_nacionalnoj (дата обращения: 12.11.2019).
3. Шушары: мигранты из Средней Азии, плохая экология, но привлекательные цены – стоит ли игра свеч? // Новострой-СПб. 04 января 2020 г. URL: https://www.novostroy-spb.ru/analitika/shushary_migranty_iz_sredny (дата обращения: 02.02.2020).
4. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982.
5. Семенова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, 2009. С. 67–82.
6. Парк Р. Город: Предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Избранные очерки: сб. переводов / отв. ред. Д. В. Ефременко; сост. и пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: РАН ИНИОН. 2011. С. 9–56.
7. Берджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4, вып. 1–2 (11–12). С. 168–181.
8. Charles Booth's London. Poverty maps of London // London School of Economics & Political Science. 2016. URL: <https://booth.lse.ac.uk/> (дата обращения: 29.01.2020).
9. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2255/ (дата обращения: 29.01.2019).
10. Джигерова Н. Горцы в большом городе // Санкт-Петербургские ведомости. 15 апреля 2015 г. URL: https://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/gortsy_v_nbsp_bolshom_gorode/ (дата обращения: 12.01.2019).
11. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан // С. В. Ильяшенко, А. Ш. Эфендиева, Т. М. Туриева и др. Статистический сб. Махачкала: Дагестанстат РД, 2012.
12. Постановление Государственного Совета Республики Дагестан от 18.10.2000 № 191 «О коренных малочисленных народах Республики Дагестан». URL: <http://base.garant.ru/26500150/> (дата обращения: 27.02.2020).
13. Вендина О. И. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестн. общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3 (71). С. 52–64.
14. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.

15. Арутюнян Ю. В. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социол. исслед. 2005. № 1. С. 27–40.
16. Бредникова О., Паченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // Диаспоры. 2001. № 1. С. 131–147.
17. Малахов В. Этничность в большом городе // Неприкосновенный запас. 2007. № 1 (51). С. 185–196.
18. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / науч. ред. проф. В. И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.
19. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле. 2001.
20. Тхакахов В. Х. Социальные и этнокультурные процессы на Северном Кавказе: вопросы методологии. СПб.: СПбГУ, 2002.
21. Проект «Федеральный закон «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации». URL: http://youthrussia.ru/wp-content/uploads/2018/02/proect_fz_molodej.pdf (дата обращения: 12.06.2018).
22. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социол. обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 11–18.
23. Цены по районам // Квартирный вопрос. Городская справочная по недвижимости. 2020. URL: <http://tsn.spb.ru/analytics/?type1=rent&type=price> (дата обращения: 25.03.2020).
24. Трущенко О. Е. Престиж Центра: Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995.
25. Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Социология политики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 35–52.
26. Пипия К. Мониторинг ксенофобских настроений // Левада-Центр. 2018. URL: www.levada.ru/2018/08/27/monitoring-ksenofobskih-nastroenij/ (дата обращения: 25.09.2019).
27. Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной политики / Е. Б. Бедрина, М. Н. Вандышев, Е. А. Илинбаева и др. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2015.

Информация об авторе.

Шекера Екатерина Александровна – соискатель ученой степени кандидата социологических наук Санкт-Петербургского государственного университета, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд, 191124, Санкт-Петербург, Россия. Автор 6 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная адаптация мигрантов, внутренняя миграция, Республика Дагестан, социология города. E-mail: shekerak@gmail.com

REFERENCES

1. Gordyakova, M. (2012), *V kakih rayonah Peterburga selyatsya migranty* [In which areas of St. Petersburg migrants live], *Online812*, available at: <http://www.online812.ru/2012/11/22/001/> (accessed 12.11.2019).
2. Nikiforov, P. (2019), *Osobennosti natsional'noi lokatsii. Mozhno li schitat' zony kompaktnogo prozhivaniya inostrantsev v Peterburge anklavami* [Features of the national location. Is it possible to consider areas of compact residence of foreigners in St. Petersburg enclaves], *Delovoy Peterburg*, available at: https://www.dp.ru/a/2019/10/20/Osobennosti_nacionalnoj (accessed 12.11.2019).
3. Novostroy-SPb, (2020), *Shushary: migranty iz Srednei Azii, plokhaya ekologiya, no privlekatel'nye tseny – stoit li igra svech?* [Shushary: migrants from Central Asia, poor ecology, but attractive prices – is the game worth the candle?], available at: https://www.novostroy-spb.ru/analitika/shushary_migranty_iz_sredny (accessed 02.02.2020).
4. Lynch, K. (1982), *The image of the city*, Transl. by Glazychev, V.L., Stroyizdat, Moscow, USSR.

5. Semenova, V. (2009), "Mapping of urban space: basic approaches to visual analysis", *Vizual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati* [Visual anthropology: urban memory cards], in Romanov, P. V. and Yarskaya-Smirnova, E.R., Variant, Moscow, RUS, pp. 67–82.
6. Park, R. (2011), "The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment", *Izbrannye ocherki: sbornik perevodov* [Featured Essays: Translation Book], in Efremenko, D.V. (ed.), Transl. by Nikolaev, V.G., RAN INION, Moscow, RUS, pp. 9–56.
7. Burgess, E. (2002), "The Growth of the City: An Introduction to a Research Project", *Person. Culture. Society*, vol. 4, no. 1–2 (11–12), pp. 168–181.
8. Charles Booth's London (2016), *Poverty maps of London*, London School of Economics & Political Science, available at: <https://booth.lse.ac.uk/> (accessed 29.01.2020).
9. Zakon RF ot 25.06.1993 № 5242-1 "O prave grazhdan Rossiiskoi Federatsii na svobodu peredvizheniya, vybor mesta prebyvaniya i zhitel'stva v predelakh Rossiiskoi Federatsii" ["On the Right of Citizens of the Russian Federation to Freedom of Movement, Choice of a Place of Residence and Residence within the Russian Federation"], available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2255/ (accessed 29.01.2019).
10. Dzhigerova, N. (2015), "Highlanders in the big city", *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, available at: https://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/gortsy_v_nbsp_bolshom_gorode/ (accessed 12.01.2019).
11. Il'yashenko, S.V., Efendieva, A.Sh., Turieva, T.M. and etc. (2012), *O nekotorykh itogakh Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda v Respublike Dagestan* [On some results of the 2010 All-Russian Population Census in the Republic of Dagestan], Dagestanstat RD, Makhachkala, RUS.
12. *Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Dagestan ot 18.10.2000 № 191 "O korennykh malochislennykh narodakh Respubliki Dagestan"* [Resolution of the State Council of the Republic of Dagestan dated October 18, 2000 No. 191 "On Indigenous Minorities of the Republic of Dagestan"] (2000), available at: <http://base.garant.ru/26500150/> (accessed 27.02.2020).
13. Vendina, O.I. (2004), "Are Ethnic Neighborhoods Possible in Moscow?", *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, no. 3 (71), pp. 52–64.
14. Brubaker, R. (2012), *Ethnicity without groups*, Transl. by Borisova, I., Higher School of Economics Publishing House, Moscow, RUS.
15. Arutunyan, Y.V. (2005), "On the potential of interethnic integration in the Moscow metropolis", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 27–40.
16. Brednikova, O. and Pachenkov, O. (2001), "Azerbaijani Merchants in Petersburg: Between "Imagined Communities" and "Primary Groups", *Diaspora*, no. 1, pp. 131–147.
17. Malakhov, V. (2007), "Ethnicity in the big city", *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency ration], no. 1 (51), pp. 185–196.
18. Dyatlov, V.I. (ed.) (2009), *Transgranichnye migratsii i prinimayushchee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoi adaptatsii* [Cross-border migration and host society: mechanisms and practices for mutual adaptation], Ural Institute Publishing House, Ekaterinburg, RUS.
19. Anderson, B. (2001), *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Transl. by Nikolaev, V.G., Canon-press-C, Moscow, RUS.
20. Thakahov, V.Kh. (2002), *Sotsial'nye i etnokul'turnye protsessy na Severnom Kavkaze: voprosy metodologii* [Social and Ethnocultural Processes in the North Caucasus: Methodological Issues], SPbU, SPb., RUS.
21. *Proekt "Federal'nyi zakon "O molodezhi i gosudarstvennoi molodezhnoi politike v Rossiiskoi Federatsii"* [Draft "Federal Law "On Youth and State Youth Policy in the Russian Federation"] (2018), available at: http://youthrussia.ru/wp-content/uploads/2018/02/proect_fz_molodej.pdf (accessed 12.06.2018).
22. Park, R. (2006), "The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order", *Sociological Review*, vol. 5, no. 1, pp. 11–18.

23. Prices by districts (2020), *Kvartirnyi vopros. Gorodskaya spravochnaya po nedvizhimosti* [Housing issue. City real estate reference], available at: <http://tsn.spb.ru/analytics/?type1=rent&type=price> (accessed 25.03.2020).

24. Trushchenko, O.E. (1995), *Prestizh Tsentra: Gorodskaya sotsial'naya segregatsiya v Moskve* [Prestige Center: Urban social segregation in Moscow], Socio-Logos, Moscow, RUS.

25. Bourdieu, P. (1993), "Physical and Social space: intromission and appropriation", *Sociology of politics*, Transl. by Shmatko, N.A., Socio-Logos, Moscow, RUS, pp. 35–52.

26. Pipiya K. (2018), Monitoring ksenofobskikh nastroyenii [Monitoring xenophobic moods], Levada-Center, available at: www.levada.ru/2018/08/27/monitoring-ksenofobskikh-nastroenij/ (accessed 25.09.2019).

27. Bedrina, E.B., Vandyshev, M.N., Ilinbaeva, E.A. and etc. (2015), *Kompleksnaya otsenka vliyaniya trudovoi migratsii na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie prinyimayushchei territorii v voprosakh formirovaniya regional'noi migratsionnoi politiki* [Comprehensive assessment of the impact of labor migration on the socio-economic development of the host territory in the formation of a regional migration policy], Institute of Economics UrO RAN, Ekaterinburg, RUS.

Information about the author.

Ekaterina A. Shekera – applicant for the degree of Can. Sci. (Sociology), Saint Petersburg State University, 1/3 Smolnyi str., St Petersburg 191124, Russia. The author of 6 scientific publications. Area of expertise: social adaptation of migrants, internal migration, Republic of Dagestan, urban sociology. E-mail: shekerak@gmail.com